

РОССИЯ В СИСТЕМЕ ЕВРО-АЗИАТСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

УДК 327.2(470) + 327.2(51) + 327.51

Е. С. Щепин

ИЗМЕНЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Рассматривается Центрально-Азиатский регион, который, в силу своей геостратегической важности, после распада СССР стал сферой интересов мировых и региональных держав. Особенно остро на геополитическом пространстве региона наблюдается противостояние НАТО и России как двух важнейших участников. Подчеркивается, что геополитическое значение центральноазиатских республик для России неоспоримо велико. Но США и страны НАТО проводят политику по вытеснению России из Центральной Азии. Автор делает вывод, что для России жизненно важно обеспечить безопасность и присутствие в регионе.

Ключевые слова: Россия; НАТО; Центрально-Азиатский регион; геополитическое влияние; безопасность.

После краха мировой системы социализма и распада самого крупного в мире государства, СССР, начался активный процесс геополитических изменений на постсоветском пространстве. Бывшие советские республики, включая некоторые регионы современной Российской Федерации, стали сферой геополитических интересов единственной сверхдержавы — США, других великих держав (ведущих стран ЕС: Великобритании, Франции, ФРГ, а также КНР и Японии) и некоторых региональных государств (Ирана, Пакистана, Турции, Индии и Южной Кореи). При этом регион Центральной Азии, который включает в себя пять бывших советских союзных республик — Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан, имеет существенное геополитическое значение для дальнейшего благополучного развития, территориальной целостности и безопасности современной Российской Федерации.

В силу того, что в новых геополитических условиях основная борьба в регионе Центральной Азии происходит за контроль над природными ресурсами,

прежде всего углеводородными, стратегическими транзитными сухопутными и военно-морскими путями, нефте- и газопроводами, главной стратегической целью геополитических противников России является вытеснение ее из данного региона на северо-восток Евразии. При этом наиболее мощными геополитическими конкурентами России являются США и другие страны НАТО, хотя определенное влияние на страны региона оказывают Иран и Китай, правда, это влияние вызывает пока меньшие опасения российской стороны.

Геополитическая судьба России на протяжении длительного периода истории связана с Центральной Азией. Со второй половины XIX в. после вхождения в состав России этот регион стал неким «азиатским подбрюшьем» — буфером Российского государства на юго-восточном направлении, учитывая британское колониальное господство в Индии и значительное геополитическое влияние этой страны в Афганистане и Иране. В советский период из важного объекта внешней политики Центральная Азия превратилась в составную часть сверхдержавы. Но сегодня, встав на путь независимого развития, страны Центральной Азии стали крайне проблемным для России регионом: транзит через Россию в Европу оружия и наркотиков из Афганистана, контрафактные товары из Китая, нелегальная иммиграция, политическая и экономическая нестабильность, вооруженные конфликты в Таджикистане и Киргизии и т. д. Регион превратился в этноконфессиональный узел противоречий, сравнимый по степени влияния на развитие мировой политической системы с Балканами и Кавказом, где заметно усилилась активность внешних сил, в первую очередь стран Запада в лице США и других стран — членов НАТО, что потенциально представляет угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

В силу того, что основной военно-политической силой в НАТО являются Соединенные Штаты как единственная сверхдержава в современном мире, коллективные геополитические интересы в регионе в рамках НАТО совпадают с американскими. В этой связи геополитическое соперничество НАТО и России в Центральной Азии происходит в контексте столкновения геополитических интересов США и России, их внешнеполитических и геоэкономических стратегий, с учетом того, что Россия, утратив в 1990-е гг. свои геополитические позиции в этих странах, в последнее десятилетие стремится играть доминирующую роль в данном регионе. Тем самым геополитическая ситуация в центральноазиатских республиках всецело зависит от действий этих двух важнейших акторов.

Теоретик американской геополитики, бывший советник по национальной безопасности президента США Р. Рейгана З. Бжезинский включил пять республик Центральной Азии, три республики Закавказья и Афганистан в новый регион — «Евразийские Балканы» [см.: Бжезинский, с. 54]. По его убеждению, данный регион должен стать ареной для многостороннего соперничества и важнейшим опорным пунктом для обеспечения глобального лидерства США благодаря контролю над Евразией через этот ключевой регион. Очевидно, что изменение геополитической конфигурации в регионе представляет для России серьезный вызов, исходящий от могущественного конкурента в лице блока западных государств — стран НАТО во главе с США, стремящихся к глобальному доминированию.

После 1991 г. демонтаж советской системы, явившейся заветной стратегической целью США и их западных геополитических союзников, произошел очень стремительно. Существует мнение, что первоначально Запад оказался в некоторой растерянности и неопределенности относительно дальнейшей судьбы государств Центральной Азии, тем самым его участие в разрешении возникших проблем данного региона было отодвинуто на второй план [см.: Николаев, с. 30—31]. Но вскоре стала прослеживаться исламизация региона, негативным следствием чего явилась гражданская война в Таджикистане в 1992—1997 гг. Исламских фундаменталистов, воевавших против правительственных сил, поддерживали Иран и Афганистан. В последнем до конца 2001 г. установилась власть совершенно не подконтрольного власти движения талибан.

Со второй половины 1990-х гг. Вашингтон отчетливо сформировал свою внешнеполитическую стратегию по отношению к бывшим советским республикам Центральной Азии. При этом основные цели данной стратегии сводятся к следующему: 1) снижение российского влияния и недопущение усиления влияния в Центрально-Азиатском регионе других независимых от США акторов — Китая, Ирана, Индии, Афганистана (до военной операции против талибов в 2001 г.); 2) недопущение исламизации и превращения региона в базу для разворачивания экстремистских сил, в том числе и через поддержку проведения в центральноазиатских государствах либерально-демократических реформ; 3) установление контроля над ресурсами и транзитными путями в этих государствах через свои нефтегазовые ТНК («Шеврон», «Эксон-Мобил», «Амоко» и др.), а также ТНК европейских союзников по НАТО (британской «Бритиш Петролеум», французской «Тоталь», итальянской «Эни» и др.). Исходя из последнего аспекта американское политическое руководство начало поддерживать усиление экономического сотрудничества, которое предполагало освоение американскими и европейскими корпорациями нефтегазовых месторождений в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане. Оно также разрабатывает и стремится реализовать проекты строительства новой автономной широкой сети трубопроводов для транспортировки нефти и газа в Европу в обход территории России.

Реализуя свои геополитические интересы в регионе, США и их европейские союзники по НАТО в настоящее время осуществляют геоэкономическую экспансию с трех направлений: с запада — со стороны Средиземноморья (Турция) через Закавказье, юга — со стороны арабского мира (в первую очередь Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар) и юго-востока — со стороны Афганистана и Пакистана. Данная экспансия во многом заключается прежде всего в стремлении с помощью западных нефтегазовых ТНК установить контроль над богатыми углеводородными ресурсами в Казахстане, Туркменистане и во всем бассейне Каспийского моря, а также их транспортировкой в Европейский союз через Азербайджан, Грузию и Турцию в обход территории России. В этой связи наибольшую значимость для Запада представляют следующие проекты: действующий нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан через Турцию, охватывающий Грузию, Азербайджан, Туркменистан и, в меньшей степени, Казахстан; планируемый газопровод «Набукко», более масштабный,

соединяющий Европу с Центральной Азией, а именно главным экспортером природного газа в Кавказском и Центрально-Азиатском регионах — Туркменистаном.

Данные проекты являются довольно дорогостоящими. В частности, по данным на 2009 г. стоимость проекта «Набукко» составляла 7,9 млрд евро [см.: Пашковская, с. 76]. Это говорит о решимости США и их европейских союзников по НАТО, чьи нефтегазовые ТНК также участвуют в разработке месторождений и добыче углеводородного сырья, закрепиться в этом регионе. Намерение осуществить новые альтернативные поставки энергоресурсов в обход территории России имеет целью не только избавиться от экспортной зависимости России, но и способствовать с помощью оказания инвестиционной поддержки укреплению в государствах Центральной Азии общественно-политического строя с прозападной ориентацией. В дальнейшем теоретически это могло бы дать возможность для стран Североатлантического альянса создать «экономический и военно-политический союз» в противовес России из стран Центральной Азии и Закавказья, что предполагает строительство наземных и военно-морских баз альянса на их территории [см.: Мамараев, с. 70—71].

До сих пор России удается противодействовать этому, и прежде всего в геоэкономическом плане. Так, в декабре 2007 г. Россия, Туркменистан и Казахстан подписали соглашение о строительстве Прикаспийского газопровода из Туркменистана через Казахстан и Россию в Европу (к проекту также подключен Узбекистан). Дополнительно Казахстан выразил готовность экспортировать весь свой газ через российскую территорию. Одновременно в краткосрочной перспективе будет запущен по дну Черного моря строящийся газопровод «Южный поток», загрузка которого будет обеспечена центральноазиатским газом. Россия также успешно провела переговоры с Азербайджаном по закупке нефти, чтобы уменьшить объемы ее прокачки через нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан. В марте 2009 г. Россия и Азербайджан договорились о закупках Россией по рыночным ценам с января 2010 г. ежегодно 16 млрд. куб. м газа из месторождения «Шах Дениз» [см.: Пашковская, с. 73]. Учитывая вышесказанное, проект газопровода «Набукко» теряет смысл, так как его прокладка по дну Каспийского моря из Туркменистана в Азербайджан представляет собой затратный и сложный вариант, тем более он не поддерживается центральноазиатскими партнерами.

Кроме того, Россия инициирует встречи руководителей пяти каспийских государств — России, Казахстана, Азербайджана, Туркменистана и Ирана — для выработки международно-правовых основ обеспечения коллективной безопасности в регионе Каспия, предусматривающих добрососедские отношения, ненарушение границ, недопущение использования вооруженных сил, коллективное противодействие вмешательству извне в решение вопросов, связанных с добычей полезных ископаемых и других природных ресурсов в акватории Каспийского моря. Тем самым России одновременно удалось воспрепятствовать присоединению Казахстана и Туркменистана к проекту действующего нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан, т. е. экспорту каспийской нефти по дну Каспийского моря, а также достичь соглашения в 2007 г. по транспортировке

нефти через территорию России из Новороссийска танкерами по Черному морю в Европу — в порт Бургас в Болгарии.

Вместе с тем Россия также довольно эффективно действует в военно-политическом плане. США прилагали усилия по установлению прочного военно-политического влияния в регионе Центральной Азии, особенно после 2001 г. в свете проведения военной операции против талибов и ввода войск в Афганистан. Правда, их политика так и не приобрела целостного характера. К тому же, несмотря на то, что с 1994 г. центральноазиатские республики стали сотрудничать с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира», они по-прежнему ориентировались на военно-техническое сотрудничество с Россией. В свою очередь, Россия действовала решительно в контексте обеспечения безопасности в регионе: прекращение гражданской войны в Таджикистане в 1997 г., пресечение этнического конфликта в Киргизии в результате вторжения боевиков исламского движения Узбекистана (ИДУ) в 1999 г. Россия различными методами содействовала прекращению вооруженных столкновений между правительством и оппозицией в Узбекистане в 2005 г. и в Киргизии в 2010 г.

Небезосновательно получила распространение точка зрения, что приход к власти нового президента Киргизии К. Бакиева в марте 2005 г. («революция тюльпанов»), как и выступления против президента Узбекистана И. Каримова в Андижане в мае 2005 г. были подготовлены администрацией США в рамках проведения т. н. «цветных революций» [см.: Чуфрин, с. 28]. Для осуществления упомянутых акций были привлечены опытные политтехнологи из ведущих американских политических и общественных структур: Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда Госдепартамента США, Федеральное агентство по международному развитию, Национальный фонд за демократию, Фонд Сороса. Как известно, обе акции закончились неудачей. И. Каримов решительно, с помощью военной силы подавил выступления, а в апреле — июне 2010 г. после бурных антиправительственных выступлений произошло свержение президента Киргизии К. Бакиева. В результате произошедшие события насторожили власти и общественные организации в республиках Центральной Азии, что угроза нестабильности может исходить не только со стороны исламского экстремизма и терроризма, но и США. Действительно, проводимая США линия на ускоренную демократизацию не учитывает мировоззренческие традиции восточных обществ, для которых характерны поэтапные перемены.

Необходимо отметить, что упомянутые неудачи в Узбекистане и Киргизии привели к резкому сокращению американского военно-политического и одновременно геополитического влияния в Центральной Азии, особенно с учетом того, что Казахстан и Таджикистан всегда сохраняли свою приверженность сотрудничеству с Россией, а Туркменистан придерживается принципов нейтралитета и в некоторой степени тяготеет к Ирану. В 2005 г. Узбекистан вышел из антироссийского блока ГУУАМ (ныне ГУАМ) и вступил вновь в ОДКБ в 2006 г. Все это также сказалось на военно-политическом сотрудничестве, которое установилось после 2001 г. в рамках проведения странами НАТО и другими участниками антитеррористической коалиции операций в соседнем Афганистане. Не секрет, что аэродром «Манас» близ Бишкека в Киргизии и аэро-

дром «Карши-Ханабад» в Узбекистане первоначально были предоставлены в 2001 г. США и странам коалиции для тылового обеспечения — транзитных перелетов и дозаправки топлива, но постепенно превратились в полноценные американские авиабазы. Появление на этих базах вооруженных сил США и их союзников по НАТО в условиях, когда альянс продолжал расширение на Восток, не вызывало восторга у России. В итоге база «Карши-Ханабад» в ноябре 2005 г. была закрыта, а база «Манас» стала лишь центром транзитных перевозок невоенных грузов.

В дополнение к этому образование новых региональных международных правительственных организаций, таких как ШОС (политическая организация по сотрудничеству в сфере обеспечения региональной безопасности) в июне 2001 г. и ОДКБ (военно-политическая организация) в мае 2002 г., создало для США и НАТО дополнительную конкуренцию. Данные организации превратились в весомые геополитические акторы в регионе Центральной Азии. Кроме того, в октябре 2003 г. в городе Кант в Киргизии открылась российская авиабаза. С 2006 г. Россия приступила к использованию авиабазы «Карши-Ханабад» для оперативного развертывания российских войск в случае возникновения кризисных ситуаций в Центральной Азии. Сохраняется пребывание российских войск в Таджикистане на военных базах в Душанбе, Курган-Тюбе и Кулябе, гарантирующее безопасность южных границ Центральной Азии от угроз из Афганистана. Это особенно актуально в свете заявленного вывода к 2014 г. американских войск из соседнего Афганистана, который остается источником проблем этноконфессиональной напряженности, а также производства и транзита наркотиков в Россию и государства Центральной Азии на пути в Европу. Тем самым Россия предприняла ряд решительных шагов по усилению своего военно-политического влияния и сокращения американского военного присутствия в регионе, удачно действуя в условиях меняющейся политической ситуации.

Стремясь сохранить свое полноценное присутствие в регионе Центральной Азии, Россия стремится проводить более гибкую внешнюю политику, в которой отсутствует идеология, не пытаясь навязывать центральноазиатским республикам свою модель развития и ценности, что было характерно для СССР, а сегодня для США. Она пытается проводить политику, основанную на общих для всех стран региона национальных интересах: 1) минимизация угроз, исходящих из Афганистана (поддержание внутривнутриполитической стабильности и сохранение у власти светских режимов); 2) активизация экономического сотрудничества, в том числе в области энергоносителей; 3) активизация интеграционных процессов (на данном этапе в экономической сфере); 4) поддержка культурных связей [см.: Лукин, с. 55–56].

В то же время в середине 2000-х гг. американскими исследовательскими центрами разработана новая концепция Большой Центральной Азии (БЦА), предполагающая образование единого пространства Центральной и Южной Азии (Афганистан, Пакистан и Индия). Автор данной концепции Ф. Стар сформулировал следующие цели:

- 1) создание возможностей для ведения наступательной войны и формирование замкнутых на США инфраструктур;

- 2) усилия по укреплению региональной экономики и государственных институтов с акцентом на постепенную демократизацию, чтобы регион стал мостом между Ближним Востоком и Восточной Азией и Юго-Восточной Азией;
- 3) развитие торговых связей и транспортной инфраструктуры;
- 4) защита государств Центральной Азии и Афганистана от угрозы исламского фундаментализма и наркотрафика;
- 5) демократизация политических систем [см.: Стар].

Вместе с тем обнаруживается истинная, скрытая цель данной концепции — создание условий для безраздельного управления всеми политическими и экономическими процессами в регионе, опираясь на структуры НАТО и ЕС, с акцентом на устранение влияния конкурентов, прежде всего России и КНР, а также структур, в которых они лидируют, — ШОС, ОДКБ, ЕвразЭС.

В отличие от этих упомянутых региональных международных организаций, обеспечивающих постоянное взаимодействие с центральноазиатскими странами, у США и их союзников подобный механизм отсутствует. Правда, в ШОС, ОДКБ и ЕвразЭС не участвует Туркменистан, придерживаясь принципа нейтралитета, а Узбекистан периодически приостанавливает свое участие в ОДКБ и ЕвразЭС, проводя политику лавирования между Россией и Западом, чтобы получить определенные политические и экономические выгоды. Несмотря на это, в последние годы Узбекистан все больше ориентирован на сотрудничество с Россией, что подкрепляется двусторонними соглашениями, в том числе в военно-технической и энергетической сферах. Туркменистан сохраняет нейтралитет и исключает возможности появления на своей территории каких-либо американских и натовских структур, а также военных баз и воинских контингентов.

США не отказываются от идеи военного присутствия в регионе. Так, американские политические деятели периодически заявляют о необходимости создания военно-морской группировки войск под американским командованием «Каспийский страж» для обеспечения безопасности транзита энергоресурсов через Кавказ в Европу. В ответ президент России В. Путин выдвинул идею о создании группы оперативного взаимодействия «Касфор», которая бы обеспечивала безопасность на Каспии. В отличие от американского проекта, который допускает вмешательство извне, здесь речь идет об укреплении безопасности собственными силами прикаспийских государств с участием России, Азербайджана, Ирана, Казахстана и Туркменистана [см.: Федулова, с. 74–75]. Пока выбор между упомянутыми проектами не стоит остро на повестке дня, однако представляется, что успех российского проекта будет зависеть от доминирования российского флота на Каспии, а также от способности России поддерживать безопасность не только в Каспийском море, но и в республиках Закавказья и Центральной Азии в целом.

Вместе с тем для осуществления политических и экономических преобразований в регионе США также привлекают своих союзников по НАТО, чьи корпорации, общественные, гуманитарные и прочие неправительственные организации также стремятся активно действовать в Центральной Азии. Торгово-экономическое сотрудничество региона поддерживается и с другими азиатски-

ми союзниками США — Пакистаном, Южной Кореей и Японией. Не стоит забывать, что сегодня вооруженные силы США и стран НАТО располагаются в Афганистане, важном стратегическом месте, тем самым контролируя ситуацию, действия реальных и потенциальных конкурентов с разных направлений: Россию — с юга, Китай — с запада, Иран — с востока, Индию — с северо-запада. Таким образом, военное присутствие США в Афганистане с учетом партнерства с Пакистаном позволяет им оказывать воздействие на все основные евразийские державы, одновременно ограничивая их геополитическое влияние в Центральной Азии [см.: Быков, с. 19–20]. В итоге США и НАТО пока сохраняют свои позиции в качестве значимой, хотя и не единственной силы в регионе Центральной Азии.

В заключение следует отметить, что в новой геополитической реальности Россия должна опираться на отчетливо выраженные национальные интересы, иметь четкие цели и стратегию их достижения [см.: Калинина, с. 37]. Необходимо приложить максимальные усилия, чтобы не допустить роста эскалации этнополитической напряженности, распространение сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма в Центрально-Азиатском регионе, который, как и прежде, играет роль подушки безопасности от угроз с юга, воспрепятствовать милитаризации и превращению его в военно-политический плацдарм США и НАТО. В противном случае это повлечет потерю геополитического контроля над регионом. При этом для защиты своих национальных и одновременно геополитических интересов России необходимо использовать не только военно-политические механизмы, но и экономические, культурные и информационные рычаги, т. е. развивать научно-техническое сотрудничество и производственную кооперацию, усиливать культурные связи, создавать собственный положительный имидж, используя различные средства коммуникации, и т. д.

В этой связи регион Центральной Азии должен стать надежной площадкой мира, безопасности и стабильности. Именно от укрепления геополитического положения в Центральной Азии зависит не только национальная безопасность Российской Федерации и других государств региона, но и сохранение многовековых очень близких отношений между ними, активизация интеграционных процессов и формирование общих долгосрочных стратегических целей. Реализация этих долгосрочных стратегических целей России в постсоветских государствах Центральной Азии, направленных на обеспечение мира и процветания, а также формирование единого геополитического пространства определяют геополитическую роль России в качестве великой державы в этом близком для нее регионе, расположенном в самом центре Евразии.

Бжезинский. З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998. [Bzhezinskij. Z. Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geo-strategicheskie imperativy. M., 1998].

Быков П. Геополитика реиндустриализации // Эксперт. 2012. № 9. с. 19–20. [Bykov P. Geopolitika reindustrializatsii // Ekspert. 2012. N 9. s. 19–20].

Калинина О. Н. Россия и Центральная Азия: региональное сотрудничество в сфере безопасности // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2011. № 4 (96). С. 36–43. [Kalinina O. N. Rossiya i Tsentral'naya Aziya: regional'noe sotrudnichestvo v sfere bezopasnosti // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2011. N 4 (96). S. 36–43].

Лукин А. Центральная Азия и Афганистан в стратегии России // Международные отношения. 2011. № 7. С. 55–56. [Lukin A. Tsentral'naya Aziya i Afganistan v strategii Rossii // Mezhdunarodnye otnosheniya. 2011. N 7. S. 55–56].

Мамараев Р. М. Роль юга России в Каспийском регионе // МЭиМО. 2009. № 1. С. 70–71. [Mamaraev R. M. Rol' yuga Rossii v Kaspijskom regione // MEiMO. 2009. N 1. S. 70–71].

Николаев С. Центральная Азия в геополитике: американский вектор (1991–2008 гг.) // Международная жизнь. 2011. № 2. С. 30–31. [Nikolaev S. Tsentral'naya Aziya v geopolitike: amerikanskij vektor (1991–2008 gg.) // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2011. N 2. S. 30–31].

Пашковская И. Г. Газопровод «Набукко»: проект создания // МЭиМО. 2010. № 4. С. 73, 76. [Pashkovskaya I. G. Gazoprovod «Nabukko»: proekt sozdaniya // MEiMO. 2010. N 4. S. 73, 76].

Стар Ф. Партнерство для Центральной Азии [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2005. Июль – август, № 4. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/numbers/15>. [Star F. Partnerstvo dlya Tsentral'noj Azii [Elektronnyj resurs] // Rossiya v global'noj politike. 2005. Iyul' – avgust, N 4. Rezhim dostupa: <http://globalaffairs.ru/numbers/15>].

Федулова Н. Г. Правовой статус Каспийского моря: позиции прибрежных государств // МЭиМО. 2008. № 8. С. 74–75. [Fedulova N. G. Pravovoj status Kaspijskogo mora: pozitsii pribrezhnykh gosudarstv // MEiMO. 2008. N 8. S. 74–75].

Чуфрин Г. И. Россия и Центральная Азия. Алматы, 2010. с. 28. [Chufrin G. I. Rossiya i Tsentral'naya Aziya. Almaty, 2010. s. 28].

Статья поступила в редакцию 15.11.2012 г.

УДК 327.2(517.3) + 327.2(47 + 57) + 327.7 ШОС

В. А. Родионов

МОНГОЛИЯ И ШОС: СОТРУДНИЧЕСТВО НА РАССТОЯНИИ*

Анализируются перспективы сотрудничества Монголии и Шанхайской организации сотрудничества. Рассматриваются основные факторы, оказывающие влияние на интеграцию Монголии в структуры ШОС. Итоговый вывод – низкая степень заинтересованности Улан-Батора в более тесной интеграции в данную организацию, что определяется слабым уровнем вовлеченности Монголии в дела Центральной Азии – незначительными торгово-экономическими связями, отсутствием общности региональных угроз и вызовов, внешними по отношению к региону факторами.

Ключевые слова: Монголия; Шанхайская организация сотрудничества; региональная интеграция; внешнеполитическая ориентация.

История институционального участия Монголии в работе Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) ведет свой отсчет с июня 2004 г. Тогда на Ташкентском саммите этой организации Монголия стала первой страной со

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ «Большая игра» в современной Внутренней Азии: проблемы нестабильности и безопасности в регионе», № 12-03-00007.